

МОЛОДЫЕ ГОДЫ

Эту книгу я прочитал «внепланово», случайно. Потому и хочу не столько поговорить о её содержании, сколько процитировать и, где возможно, прокомментировать. А всё из-за того, что, только открыв книгу, я уже не смог от неё оторваться, пока не дочитал до конца. Нет, я не читал её без перерыва. Откладывал книгу, занимался какими-то другими делами, но содержание её в это время продолжало во мне жить. В уме цитировал высказывания митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (Нечаева), удивлялся точности его суждений, открытости в разговоре со слушателями и читателями, а с чем-то не соглашался, спорил, возражал. Иными словами, книга продолжала жить во мне. И потому, когда опять брал её в руки, то испытывал полное ощущение непрерывности моего с ней общения.

«Русь уходящую» составили устные рассказы, воспоминания владыки о своём детстве, учёбе в институте и семинарии, об общении с иерархами Русской Православной Церкви и о многочисленных поездках по иным странам и континентам, а также отрывки его лекций, прочитанных в высших учебных заведениях страны.

Как утверждают составители книги (они же записали беседы митрополита Питирима) – владыка категорически отказался сам писать свои воспоминания. «А вот наговорить могу». За последние десять лет его жизни референты-филологи Т.Л. Александрова и Т.В. Суздальцева записали размышления и воспоминания владыки. Теперь мы имеем возможность «услышать» эту живую речь.

Конечно же, мемуары – дело субъективное. Оценки ситуаций, происходящих в стране и нашей Православной Церкви, даются исходя из собственных взглядов, пристрастий, жизненного и молитвенного опыта. Потому она интересна именно своей субъективностью.

«Жанр воспоминаний, – как отмечал сам автор, – один из наиболее трудных в литературе, потому что трудно справиться с материалом, которого довольно много, и избежать тех личностных оценок и эмоций, которые, несомненно, присутствуют в каждом из моментов памяти».

И всё-таки... Вот митрополит Питирим вспоминает историю своего рода. Но как!

«Я происхожу из старинной священнической семьи. Откуда идёт мой корень, я не знаю, но с 1685 г. мой род обосновывается в Тамбове, по-

тому что епископ Питирим, назначенный на Тамбовскую кафедру из вяземских архимандритов, привёз с собой родную сестру, духовника и небольшую группу священников-миссионеров для того, чтобы просветить мордву. В числе этих миссионеров были и мои предки, таким образом, с конца XVII века по епархиальным спискам прослеживается непрерывный большой перечень моих дедов и прадедов... К нашему роду принадлежал, в частности, епископ Николай (Доброхотов)...

Есть у нас такое домашнее предание. Дед мой, Андрей Илларионович, был человек физически очень сильный. Как-то раз приехал он служить в одну деревню молебен о дожде. Смотрит – на улице никого нет, все попрятались. Он спрашивает, в чём дело. «Бычок, – говорят, – в возраст вошёл и разбушевался. И никак поймать его не могут, и все боятся». Дедушка вышел на улицу, прошёл немного и действительно столкнулся с бычком. Схватил за рога и стал осторожно клонить его голову к земле. Тот какое-то время склонялся, а потом вдруг оставил свои рожки в руках дедушки и от такого конфуза убежал в лес».

Я процитировал эти отрывки, чтобы читатель смог «вкусить аромат книги», незатейливость, но в то же время историческую серьёзность повествования, где предания рода неразрывно «вплетены» в историю и быт страны в целом.

Но владыка вовсе не намерен только развлекать своего читателя. Приводит он и множество иных любопытных фактов. Например, вот таких.

«Мичурин жил в Козлове всю жизнь, отчего и город потом переименовали в его честь. Вопреки распространённому представлению, он был очень верующим и очень скромным человеком... Он работал часовщиком на вокзале и потому оказался прихожанином отца. Они очень дружили... Никаким ботаником Мичурин не был – это был просто увлечённый, знающий и умелый садовод».

А вот ещё что из своего детства вспоминает владыка.

«В православных семьях было принято на ночь слушать какой-нибудь нравственный рассказ. (И пересказывает рассказы своего отца-священника – В.С.) Потом дети уходили в детскую, а взрослые оставались подводить итоги трудного прожитого дня. В нашей семейной, домашней традиции прививался ежевечерний самоанализ: как прошёл день».

Разве этот пример не поучителен? В сегодняшнем, современном урбанистическом обществе истинное общение между людьми крайне затруднено. Но горше всего то, что это общение не происходит в семейном кругу, между самыми близкими людьми. Пришли усталые после работы, бросили друг другу несколько раздражённых фраз, за ужином поругали «проворовавшуюся власть» и «глупых начальников», которые не ценят по достоинству ваш труд, затем посмотрели по телевизору пошлые или низко художественные сериалы. Там же у телевизора зачастую и засыпаете дурманящим сном. При этом хорошо ещё, если не переругаетесь из-за какого-нибудь пустяка, по совершенно не стоящему поводу. И где здесь сочувствие, любовь, взаимопонимание? Нет его. Оттого мы так раздражены, разрозненны. Оттого чувство одиночества точит наши сердца.

Но давайте продолжим чтение книги.

Отца владыки в 20–30 годы послереволюционного террора несколько раз арестовывали.

«Я помню, что пришли за ним ночью... Тогда, в четыре с половиной года, я твёрдо решил, что буду монахом. Это решение было моим ответом на случившееся. Я понял тогда, что тоже буду священником, как папа, но мне не хотелось кого-то за собой тащить и заставлять переживать те трудности, которые выпали на долю нашей семьи».

Но вот что значит ощущение единства семьи.

«Мама, Ольга Васильевна, после ареста отца ежедневно вычитывала его иерейское правило, три канона, так как в тюрьме у него не было канонника; впоследствии она каждый день прочитывала всю Псалтирь».

Ещё в нашей семье был обычай: во время невзгод читать псалом 34-й: «Суди, Господи, обидящие мя, побори борющиеся мя...» Пока мама была жива, дома молиться было легко, после её смерти стало труднее».

И вывод – констатация главного факта жизни верующего человека: «Вообще за всю жизнь я не слышал ни от одного священника, ни от одной монахини, которые провели в концлагерях, в тюрьмах по двадцать пять и более лет, чтобы кто-нибудь из них сказал хоть одно раздражённое слово о том, что они там претерпели: таково было церковное понимание тех мучений, которые вынесла Церковь».

Семья, в которой рос владыка Питирим, была большой. Десять детей и ещё один умерший в трехлетнем возрасте. Но все выучились, стали специалистами – и довольно известными.

«Братья были инженерами, и видными, с именем, притом, что они, как дети священника, были «лишенцами» и до 1935 года не имели даже паспортов, а в 20-е годы не могли учиться в государственных вузах – только в частных... Талантливые были люди.

В том, что они стали инженерами, было желание отца. Он не хотел, чтобы они шли в семинарию, хотя, казалось бы, три сына учились до революции – могли бы хоть один стать священником. Но отец сам направлял детей учиться не в епархиальное училище, а в реальное или в гимназию».

Однако, несмотря на весь, как сейчас принято говорить, «тоталитаризм» того государственного строя, в своих воспоминаниях владыка отмечает: «Мама, Ольга Васильевна, в 1946 году получила из рук Калинина золотую звезду «Мать-героиня». И далее: «Воспитательницей она была великой. У нас в семье вообще очень бережно относились и к детству, и к материнству. С детьми никогда не говорили на детском языке, никогда не сюсюкали».

Видимо, потому и старший брат будущего митрополита не испытывал в Средней Азии никаких трудностей в общении с местным населением.

«Брат Михаил был старше меня на 25 лет. Он закончил институт землеустройства и в 20-е годы работал в экспедиции... Обстановка там была беспокойная, но его никто никогда не трогал. А секрет был прост. Прибыв на место назначения, он отправился не в ревком, а попросил созвать стариков и пришёл к ним засвидетельствовать своё почтение. Самому старшему он подарил фотографию своего отца-священника – почтенного, с бородой (что было очень близко местным старикам), и свою студенческую фуражку. Эффект от этого деяния был потрясающим. На одно имя «инженер Нечаев» открывались все двери».

Вот почему и по сию пору истинно православных русских людей, добрых и ревностных христиан даже бывшие враги (например – в Афганистане) вспоминают добром и восхищаются их жертвенностью и героизмом. Ибо сами православные устои нашей веры способны открыть сердца и иноплеменников, и иноверцев.

«Вообще достоинство в нашем русском обществе хранили свято – Боже упаси уронить его хотя бы в какой-то детали поведения: в манерах, в осанке – согнуть перед кем-то спину. Так, помню, в Патриаршем Елоховском соборе были два старичка, никогда не снимавшие своих георгиевских крестов. Георгий как орден за личное мужество был признан во время Великой Отечественной войны (по существу, наш орден Славы является его прямым наследником и даже в чём-то повторяет его в оформлении), и тогда многие стали доставать их из коробочек, но эти носили свои ордена и в тридцать пятом, и в тридцать седьмом, и в любом другом году. Один из старичков был совершенно согбенный... Другой – чрезвычайно бравый, с усами, ходил всегда в сапогах, защитного цвета шинели и – полный банк – четыре георгиевских креста. Представлялся он: «Лейб-гвардии уланского полка её императорского величества императрицы Марии Фёдоровны...», – дальше следовало его звание и имя, которых я не помню, но он всем этим очень гордился и это достоинство

пронёс через всё те страшные годы, и никто его не трогал – настолько он был утверждён в своём солдатском мужестве».

Да и в самом обществе, что называется, в коренной его части, в становом хребте нации достоинство поддерживалось в опоре на нравственные, духовные устои, фундаментом которых, несомненно, являлось Православие.

В 1939 году, предчувствуя неизбежность войны, правительство СССР обращается к исторической памяти русского народа, к его державному духу. На экраны кинотеатров выходят исторические фильмы: «Александр Невский», затем в следующем году «Александр Суворов». А далее «Богдан Хмельницкий».

«Сейчас русскую культуру, – далее констатирует владыка, – не запрещают, но тщательно размывают».

И ещё о довоенной обстановке.

«Общественный порядок до войны в целом поддерживался. Нелитературных выражений я в детстве не слышал. За бранное слово полагалась санкция – «трояк». Когда меня первый раз вывезли на дачу, в деревню, я услышал на улице какое-то незнакомое слово и, придя, спросил у старшей сестры, что оно значит. Сестра чуть посуду из рук не выронила. Это сейчас я смотрю – маленькие ребятишки уже свободно владеют всем «богатством» русского языка... Впрочем, всё это лишь анатомия и эмоции, на мой взгляд, гораздо хуже привыкать к «чёрному слову». Мне в детстве говорили, что от такого слова сотрясается земля, и я всегда боялся, что рядом со мной появится трещина, в которую я провалюсь. Раньше люди вообще знали это правило: не вызывай».

Каково нам теперь всё это читать, когда на улицах городов одни чёрные слова да сквернословия звучат. Совсем ещё дети, хорошо одетые и обеспеченные, подражая моде подхваченной от «звёзд эстрады», непотребно ругаются, чуть ли не через слово. И не будет преувеличением сказать, что это происходит при полном «общественном» попустительстве. В качестве примера расскажу об одном случае.

Один мой знакомый публицист написал по этому поводу статью. Прочитала её одна из заместителей глав района, отвечающая за вопросы культуры, и подняла автора на смех. Главный аргумент в пользу сквернословия – автор отстал от жизни, теперь это разрешено и даже приветствуется. «Мы живём в свободном демократическом обществе!» – вот что было главным в её аргументации. От духовного и культурного убожества таких горе-руководителей мы и теряем действительный уровень культуры.

«Таким я запомнил предвоенное время. Тогда в наших коммунальных квартирах, в условиях чрезвычайно трудных социальных, политических перемен, ломок, оставались непререкаемыми основные ценности: достоинство личности, которая в скудности создаёт свой духовный мир, и законы общежития, которые позволяли людям с разными характерами, разными способностями, но одухотворённым одной идеей совместного родового, племенного, семейного, просто человеческого совыживания, сохранить Русь так же, как и в погромном тринадцатом веке, и в Смутное время, и в переломный, страшный век двадцатый»

Но вот новые испытания выпали на долю нашего государства. Началась Великая Отечественная война. Владыка хорошо помнит это время. Помнит призыв митрополита Сергия, будущего Патриарха, к защите Отечества.

«Голос Русской Православной Церкви прозвучал совершенно легально через московское центральное радио... Потом с неба посыпались настоящие бомбы. Но и в эти первые, самые тяжёлые месяцы войны Москва оставалась мужественной, спокойной, не было никакой паники. В русском народе особое отношение к солдату, и каждый русский человек в душе солдат... Народ наш был не только с партбилетом в кармане, но и с тайной молитвой, вложенной в партбилет, об этом я по прошле-

ствии пятидесяти лет могу свидетельствовать, поскольку совершал Таинства над многими старичками-генералами. В кругу моих знакомых было много замечательных людей. Вспоминаю знаменитого героя, лётчика Маресьева. Он мне рассказывал в частной беседе, что им двигало, когда он полз по лесу, раненый, – патриотичность?.. Вера в то, что он увидит свою мать, которая без него просто не выживет: он её кормилец, он её сын.

Наша армия-победительница была православной армией. Последний год призыва был 1926-й, а до 1930 года крещение в русских семьях считалось обязательным».

Да, великие победы добываются только великими народами, великими в духе государствами. Наша Россия – безусловно, именно такое государство.

ПУТЬ К СЛУЖЕНИЮ

Вторая часть книги «Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима» названа «Юность». Давайте вспомним, что это были за времена, что происходило в общественной жизни страны и как могло случиться, что именно тогда окончательно утвердился дальнейший жизненный путь будущего монаха и владыки.

«Жизнь моя сложена из каких-то этапов: от одной вехи до другой. – Так сам митрополит определил своё земное пребывание. – Сначала наибольшее влияние на меня имел отец, а также архимандрит Севастиан (Фомин), затем – о. Фёдор Шебалин, настоятель храма Тихвинской Божией Матери в селе Алексеевском. От него – без перерыва – о. Александр Воскресенский, настоятель храма Иоанна Воина на Якиманке, потом – Святейший Патриарх Алексей, с которым мы были оба под водительством о. Зосимы (Иджилова), старца Патриаршего Богоявленского собора, – в этом я и формировался».

Своих духовных наставников митрополит Питирим вспоминает с необыкновенной, прямо сыновней любовью и теплотой. Особенно о. Александра Воскресенского. Тут он даже приводит примеры прозорливости этого подвижника благочестия и молитвенника перед Богом.

«Помнится, как в 1945 г., в первых числах мая – кажется, это был день святого великомученика Георгия Победоносца – в середине литургии о. Александр вышел в открытые Царские врата и произнёс взволнованно: «Дорогие мои, радость-то какая! Война кончилась!» И резко (может быть от смущения) вернулся к престолу. Все сразу как-то не поняли, что произнесено, что сказано, – служба шла своим чередом. Что видел он, что воспринимала его душа, никому не ведомо».

Вообще старца окружали замечательные люди – чистые и глубоко, искренне верующие. Никакие внешние обстоятельства (неблагоприятная внутригосударственная антирелигиозная политика) этому помешать не могли. «В военные и послевоенные годы чтецом в храме Иоанна Воина был проректор Московского университета Юрий Алексеевич Салтанов. Как ему удавалось совмещать проректорскую должность с церковным служением – не знаю, но это продолжалось долгие годы, сначала у Иоанна Воина, потом, кажется в храме апостола Филиппа на Арбате».

Я уже отмечал в этих заметках, что все дети в семье митрополита Питирима получили хорошее образование. В мае 1943 года, после окончания школы и получения аттестата, он тоже поступает в Московский институт инженеров транспорта.

«В семинарию я, естественно, поступить не мог, потому что её закрыли, когда мне было 4 года, а где-то учиться было надо. Я хотел быть и архитектором, и врачом, и педагогом, и даже танкистом; привлекала меня и география: учась в школе, я был членом юношеского географического общества, но в моём окончательном выборе на меня в значительной степени повлиял мой крёстный – брат Иван».

О времени учёбы в институте владыка вспоминает так (и это важно для правильного понимания атмосферы тех военных лет, которую сейчас, к сожалению, отечественные и иностранные историки подают зачастую искажённо и даже оболганно).

«Естественно, все мы слушали курс исторического материализма, политэкономии, получали соответствующие баллы на зачётах и экзаменах, но среди нас были молодые люди, особенно из фронтовиков, глубоко чувствовавшие ту историческую духовную традицию, которая напрямую ассоциировалась с Церковью. Дискуссий, как правило, не вели. Но преобладало, как основное направление, бережное отношение к историческому прошлому Родины... Воинствующего атеизма не было. Преобладал общий дружеский тон. Кто-то бывал в церкви. Посещавшие храм не вызывали удивления или критики... Однажды в Великую Пятницу мы сдавали экзамен. Принимал его, как я помню, доцент Смирнов и здорово меня мучил. Пока я сидел, готовился, он встал, повернулся ко мне спиной, и я увидел у него на пиджаке подтёк воска. «Ах ты, – думаю, – меня терзаешь, а сам-то вчера где был? Конечно, слушал двенадцать Евангелий!»

И ещё штрих к бесконечным рассказам о том, что верующие «во время Сталинского режима» были бесконечно гонимы и чуть ли не повсеместно убиваемы. Если же всё-таки исходить из исторической правды, опираясь на конкретные воспоминания современников, то картина складывается совсем не такая однозначная и упрощённая.

«Притом, что я никогда не вступал ни в пионеры, ни в комсомол, я всю жизнь был на виду в плане общественной работы. В институте в первый же год меня, по непонятным мне причинам, назначили старостой курса... Потом, на втором курсе, уже сами ребята избрали меня профоргом курса».

Начало своего церковного служения митрополит Питирим связывает с известным событием в истории Русской Церкви – произошедшим 4 сентября 1943 года, когда в Кремль были вызваны три митрополита: Московский и Коломенский Сергей (Страгородский), Ленинградский и Крутицкий Алексей (Симанский), проведший все 900 дней в блокадном Ленинграде и Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич).

«В тот день – на память сретения Владимирской иконы Божией Матери и святых мучеников Адриана и Наталии – была возрождена Московская Патриархия, Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей стал Патриархом Московским и всея Руси. Это был мудрый иерарх и глубокий богослов, автор классической работы «Православное учение о спасении». Он знал несколько языков, в том числе древние: еврейский, греческий, латинский, – и, несмотря на свою административную загруженность и преклонный возраст, ежедневно читал Библию на каждом из этих языков. Кроме того, это был подвижник строгой жизни. Его день, по старому монастырскому обычаю, начинался в 4 часа утра, и в его ежедневное правило обязательно входил «Чин двенадцати псалмов», который оказывает необыкновенно умиротворяющее воздействие на душу. Церковный народ очень любил его и за глаза ласково называл его «дедушкой... Потом Патриарх Сергей умер... Отслужили панихиду. После службы Колчицкий попросил всех мужчин – а их было немного – остаться. Речь шла о том, чтобы помочь следить за порядком во время похорон. Помню, меня тогда поставили у левой двери, выходящей во двор... Это и была мой «дебют». После этого меня заметили, и я иногда приходил помогать».

Начало же прислуживания русским Патриархам во время совершения ими богослужений произошло следующим образом. «В 1945 г., вечером 3 февраля наш Патриарх всю ночь не служил – служили восточные Патриархи (Впервые прибывшие в Москву на Собор, где избирался новый Патриарх – В.С.) Я прислуживал иерусалимскому Патриарху Афинагору и нашему астраханскому архиепископу Филиппу. А утром 4-го числа

служил наш Патриарх, и тогда он заметил меня, сказал мне очень хорошие слова... Вскоре он вызвал меня и предложил быть старшим иподьяконом и хранителем ризницы, с тем, чтобы я являлся на работу каждый день, но не в ущерб занятиям (В институте – В.С.). Я сначала никак не хотел: «Не пойду. Не нужен мне никакой Патриарх – у меня есть храм Иоанна Воина, у меня есть батюшка!» Но о. Александр настоял».

Непосредственно свои воспоминания о Патриархе Алексии владыка начинает так.

«С того момента, как я стал иподьяконом, до кончины Святейшего Патриарха Алексия прошло 25 лет моего почти неотлучного пребывания около него. Я его и облачал, и в гроб клал, и слово надгробное говорить поручено было мне.

Патриарх был удивительным человеком. До конца дней он сохранял блестящий блеск глаз и твёрдость почерка... Интересная деталь: на службе его сразу было видно, оптически взгляд фокусировался на нём, хотя он был, я бы сказал, неполного среднего роста... Я прекрасно помню архиепископа Луку (Войно-Ясенецкого), который был более чем на голову выше Патриарха, архиепископа Филиппа Астраханского, величественного, высокого, красивого старца – но и среди них он сразу притягивал взгляд...

Патриарх происходил из дворянского рода Симанских, потомков псковских воевод, свято хранивших традиции древнего благочестия... Над семьёй Симанских почивало благословение святителя Филарета (Дроздова), полученное некогда матерью будущего Патриарха, Ольгой Александровной...

Образование он получил блестящее. По-французски говорил совершенно без акцента – так, что его можно было принять за француза, английским владел также вполне свободно, но всё же избегал говорить на нём... Учился он в Лицее цесаревича Николая, располагавшемся в здании у Крымского моста, где сейчас находится Дипломатическая академия...

Первую мировую войну он был архиепископом Новгородским, а во Вторую – провёл в Ленинграде все 900 дней блокады. Он тогда жил в помещении под куполом Никольского собора – прямо над храмом... Помню частым гостем (У Патриарха Алексия – В.С.) был старый генерал Алексей Алексеевич Игнатъев. Кстати, именно благодаря Игнатъеву, Сталин подарил Патриархии Переделкино. Игнатъев рассказывал, что Сталин однажды обратился к нему с вопросом: У Патриарха скоро юбилей. Что бы подарить ему? Игнатъев посоветовал: «Подарите Переделкино»...

Патриарх был очень воздержан в своём быту, питался по уставу, строго соблюдая все посты и постные дни... Его день начинался с утренних процедур, в число которых даже входила небольшая гимнастика... Затем он молился – у него были и общие, и свои собственные молитвы, а потом шёл к своему рабочему столу. На пути стоял другой, круглый, стол, на котором лежало Евангелие. Каждый раз, проходя, он прочитывал страницу или две, открывал страницу на завтра и на следующий день читал, начиная с того места, на котором кончил в прошлый раз... Ему всегда на всё хватало времени, во всём ему были свойственны предельная аккуратность и точность...

Про богослужение Патриарх говорил, что оно – как драгоценная вышитая ткань и что его надо «творить», как вышивку, а любая пауза или заминка – это как разрыв в ткани. Сам он совершал богослужение вплоть до последних дней своей жизни регулярно, во всяком случае, по всем праздникам...

Характер у Патриарха был очень контрастный, я бы сказал, огненный. Когда он сердился, весь вспыхивал, приходил в страшный гнев, но потом всегда сам очень от этого расстраивался и жалел о случившемся...

Как-то за столом речь зашла о евреях. «Да, – сказал Патриарх, – евреи – это, конечно, ужас! Сложная, тяжёлая психологическая формация.

Сколько с ними проблем! Но подумайте! Не подумайте, что они – богоизбранные, и до чего дошли! А если бы Бог их не избрал, да не смирял, то что бы тогда было? Ещё хуже!»

Я привёл, как мне кажется, самые интересные отрывки из большого очерка митрополита Питирима, посвящённого памяти Патриарха Алексия. Сделал это сознательно. В фактах отражена не только эпоха, но и судьба верующего человека в ней. В них есть что-то истинно надвременное. Думаю, многое можно примерить, да и принять к исполнению, и в теперешней нашей жизни.

Отдельная тема в воспоминаниях владыки – его учёба в «московских духовных школах».

«Наше поколение духовенства формировалось в состоянии контраста. Возможность получить духовное образование и пойти путём своих предков для нас, детей довоенного времени, казалась несбыточной, а священниками быть хотелось... И вот 14 июня 1944 г., в день святого мученика Иустина Философа, в Лопухинском корпусе Новодевичьего монастыря открылись Богословско-пастырские курсы и Богословский институт. В июле я один из первых принёс бумаги для поступления в Богословский институт... 1945 год, год Победы и совершенно новых явлений, когда в Москве открывались новые храмы и ремонтировались уже действующие, стал для меня годом начала богословского образования... Ректором был слепой протоиерей Тихон Дмитриевич Попов...»

Вспоминая своих однокурсников, митрополит Питирим особо остановился на личности Дмитрия Дудко.

«У него на глазах немцы расстреляли всю семью – это, конечно, наложило на него отпечаток... Он действительно был очень нервный... Бывало, на занятиях отвечает на какой-то совершенно отвлечённый вопрос по догматике – о бытие Божию, например – весь раскраснеется, почти кричит. Его спрашивают: «Дудко, что с вами? Что вы кричите?» Он был небольшого роста, слегка сгорбленный... Первый раз посадили его за патриотические стихи, в которых он писал и про немцев, и про колхозы, и про совдеп, – я, правда, этих стихов не читал. Один «товарищ» вытащил у него из-под подушки тетрадочку и отнёс, куда следовало. Митю тогда и забрали. Были у нас на курсе ребяташки, которые доносили, – мы их знали».

Тут же владыка приводит высказывания и наставления своих преподавателей. Вот как студентов-богословов поучал о. Вениамин Платонов, настоятель храма Всех святых на Соколе.

«О. Вениамин предложил определять веру через близкие понятия: «доверие» и «верность». Если человек верует в Бога, это значит, что он доверяет Богу и пребывает верным Ему. Он также учил нас, как нужно встречать искушения: «В жизни, особенно в наше время, существует масса светских развлечений; но это всё равно, что выбирать между хорошей, чистой дорогой и грязной, с лужами. В лужу, конечно, можно влезть, но только потом чиститься придётся, а то и застрять в ней можно».

Высказывание ректора о. Николая Чепурина.

«Конечно, приспособляться можно, все приспособливаются: и растения, и животный мир, и человек. Где-то можно слукавить, где-то смолчать, но настанет тот трагический момент, когда вы однажды зададите себе вопрос: «А кто же я сам?» Любое нарушение своей внутренней цельности – это начало катастрофы».

Летом 1948 года учебное заведение переезжает из Новодевичьего монастыря в Лавру, где с 1946 года возобновилась церковная жизнь. Первоначально студенты испытывали на новом месте большие бытовые неудобства. Но всё преодолелось. Тогда же, в 1948 году, в Лавре состоялась первая защита магистерской диссертации – архимандрита Вениамина (Милова). Почему я особо остановился на этом событии? Вновь обратимся к книге.

«И вот выяснилось, что долгие годы – в 1925, и в 1935, и в 1945 гг. – о. Александр работал над критическим исследованием двенадцати томов «Житий святых» святителя Дмитрия Ростовского... О. Александр, ещё будучи студентом, пришёл к выводу, что следует установить, какими источниками пользовался святитель Дмитрий при составлении своего свода. И он заново проделал всю чудовищную работу, которую до него сделал святитель Дмитрий... Он проверил страницу за страницей то, что было написано более чем двести лет тому назад, проследил весь путь, пройденный святителем Дмитрием по исследованию древних источников, и, отдав этому богословскому исследованию всю жизнь, показал, насколько глубоко и научно работал святитель».

Воистину подвиг был совершён этим спокойным, размеренным в речи, в своих движениях и поступках «старичком-священником».

Вторая часть книги заканчивается событием 1954 года. Тогда, уже преподавателя семинарии и Академии, будущего владыку рукоположили во священники.

«Я пришёл на хиротонию – без креста. А когда пропели «Аксиос», Патриарх снял с себя золотой крест и надел его мне на шею. Все тогда ахнули, и многие мне это потом припомнили...»